Хаома

Хаома, хаума (авест., от hav-, «выжимать»), в иранской мифологии обожествлённый галлюциногенный напиток, божество, персонифицирующее этот напиток, и растение, из которого он изготовлялся. Все три воплощения Х. образуют несомненное единство.

Культ Х. восходит к древнеиранскому периоду, образ Х. имеет точное соответствие с индийским Soma, см. Сома. Наиболее полные данные о Х. содержатся в «Авесте», прежде всего в «Яште о Х.» («Хом-Яшт», «Ясна» 9), следы Х. обнаруживаются и в иных иранских традициях.

Высказывается мнение, что, по крайней мере, часть скифов и сарматов почитала Х. (ср. древнеперсидское свидетельство о саках, почитающих Х.; осетинское название хмеля xum-œllœg, из *hauma-aryaka-, «арийский Х.», ср., возможно, рус. хмель). Несмотря на то что существует ряд гипотез о растении, из которого мог быть приготовлен напиток сома-хаома (кузьмичёва трава, конопля, гриб мухомор, ревень, эфедра и др.), ничего определённого о растении Х. сказать нельзя.

Другое название напитка Х. в «Авесте» — мада (maδa). Растёт Х. в озере Ворукаша («Бундахишн», «Меноги Храт»).

Торжественное жертвоприношение Х. — ясна (жертва, ср. yaja в «Ригведе») гарантировало в зороастрийском ритуале бессмертие для верующих, а также устойчивость миропорядка в космосе и социуме. Ясна начиналась жертвоприношением быка, затем Х. растирали и смешивали с молоком.

Полученный напиток бессмертия посвящался Ахурамазде. Момент смешения сока Х. с молоком символизировал чудесное явление в мир Заратуштры.

С последней в мировой истории ясной, которую сотворят саошьянты, мир вернётся в

изначальное совершенное состояние всеобщего бессмертия. Приготовление Х. составляло часть ритуала и, как можно судить по косвенным данным, опиралось на миф о гибели божества Х., расчленённого другими богами, растёртого и употреблённого на приготовление божественного напитка, преодолевающего смерть [обычно эпитет Х. «дураоша» толкуют как «отвращающий (преодолевающий) смерть» (в последнее время наметилась тенденция определять его исходное значение как «острый (резкий) на вкус»].

Один из галлюциногенных эффектов Х. состоял в изменении (или даже «перевёрнутости») восприятия пространственно-временных и субъектно-объектных отношений. На мифологическом уровне этому могли соответствовать такие парадоксы, как одновременное нахождение Х. на небе и на земле и особенно совмещение в Х. ипостасей бога (в частности, Митры — носителя и стража мирового закона), жреца, приносящего ему жертву, и самой жертвы (напр., «Ясна» 9, 1—32).

Вместе с тем Заратуштра обращается к Х. и как к человеку («Ясна» 9, 1). Х. просит Заратуштру, чтобы тот выжал его попить («Ясна» 9, 2). Воздав хвалу Х., Заратуштра узнаёт у него, какую награду получили те, кто его выжал.

Вивахванту, первым выжавшему Х., был дан сын Йима; у Атвйи родился сын Траэтаона, поразивший Ажи-Дахаку; у Триты родились два сына: Урвахшая, судья, дающий законы, и Керсаспа, поразивший дракона Срувара; у Пурушаспы родился Заратуштра (4—13). Таким образом, вся древнеиранская священная история строится как результат последовательных выжимок Х. Заратуштра восхваляет Х. за то, что он, опьяняя, воодушевляет, дарует силу страсти, способность к обороне, здоровье, целительную силу, развитие, рост, мощь, распространяющуюся на всё тело, знание (17).

Благодаря этим дарам Заратуштра побеждает «вражду всех враждебных дэвов и смертных, волшебников и волшебниц, кавайских и карапанских властителей, и (вражду) лживых и двуногих лжеучителей, и (вражду) двуногих волков и четвероногих» (18). Х. характеризуется также как прекраснейший из всего материального мира (1), бледно-жёлтый (30), золотистого цвета и с гибкими побегами (16), хороший, прекрасно и правильно созданный, оказывающий приятное действие, врачующий, победоносный, творец (16), свободный в силу своей мощи (25), он препятствует смерти (7), побеждает вражду, ложь (17), лучше всего приготавливает путь для души, даёт силу упряжке лошадей в состязании, счастливых сыновей и исполненное верой потомство родителям, святость и знание прилежно занимающимся, супруга и попечителя девицам, долго остающимся незамужними (22—23).

Х. почитают как господина — властителя дома, общины, округа, страны (27—28) и просят устранить вражду недоброжелателей, покусительства рассерженных, отнять силу из ног, вырвать уши, разрушить дух у обладающих двумя преступлениями (28). Х. призывают ударить оружием по телу жёлтого дракона, страшного и разбрызгивающего яд, грозящего гибелью верующим в мировой закон — ашу; ударить по телу могучего и кровожадного разбойника, лживого человека, того, кто разрушает жизнь другого, кто не помнит веры в ашу; ударить по телу женщины-колдуньи, вызывающей сладострастие (30—32).

Х. прогнал из своего царства Кересану, уничтожавшего всё, что растёт, и препятствовавшего изучению священных текстов (24). Х. опоясался принесённым ему Маздой поясом, изготовленным духами, украшенным звёздами, и стал поддержкой и опорой священного слова и благой веры в Мазду (26).

Популярность ритуалов, включающих Х., видимо, заставила Заратуштру ввести его в своё учение, Х. был сделан творцом материальных благ вселенной, а его действия мотивированы появлением самого Заратуштры. Тем не менее есть основания полагать, что отдельные черты культа Х. (в частности, кровавое жертвоприношение быка или лошади, учреждённое Йимой) не пользовались симпатией Заратуштры (ср. его резкий отказ от напитка Х. в «Ясне» 32, 14).

Этим можно объяснить постепенное вытеснение Х. из пантеона. Культ Х. не пережил древнеиранскую эпоху, лишь на иранской периферии (а иногда, видимо, и за её пределами, но там, где были сильны иранские влияния) сохранялись кое-где и в вырожденном виде его следы и само слово «Х.».

В настоящее время культ Х., изготавливаемого из эфедры, существует у персов и гебров. Литература:Стеблин-Каменский И. М., Флора иранской прародины, «Этимология 1972», М., 1974, с. 138—40;Modi J. J., Haoma in the Avesta, «Journal of the Anthropological Society of Bombay», 1904, № 7;Nyberg H. S., Die Religionen des alten Iran, Lpz., 1938, S. 83, f. 188—91, 244, 285—88;Zaehner R. C., The teachings of the Magi, L., [1965];Bailey H. W., Dvārā matīnām, «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», 1957, v. 20, p. 53—58;Boyce M., Haoma, priest of the sacrifice, «W. B. Henning Memorial Volume», L., 1970;Widengren G., Die Religionen Irans, Stuttg., [1965], S. 29, f. 34, 54, 66, 70, 108—09, 124, 127.